

ВРЕМЯ СМЕЛЫХ

В свое время не поленился — подсчитал, что с самых петровских времен (как только Воронеж стал губернским городом) в кресле руководителя региона у нас перебывал девяносто один человек. А вот после ухода из власти остаться жить на воронежской земле из них рискнули лишь девять...

Один из таких — Александр Николаевич Цапин. При встрече с ним не удержался, спросил: почему? Ответил, что все очень просто: мол, по натуре он домосед, по этой причине в свое время даже отказался от работы в министерстве. Так и заявил большому федеральному начальнику: из Воронежа никуда не уеду! Потом не без гордости добавил, что в нашем городе люди на улицах до сих пор его узнают и здороваются, что является для него «высшей наградой». А если и вспоминают что-то недоброе, связанное с годами его руководства, оговариваются, что лично на Цапина зла за это не держат: время такое было, всем жилось нелегко — то работы нет, то денег, а иногда, по большому счету, ни того, ни другого...

То время сегодня иначе, как «лихие девяностые» — не называют.

На самом деле, никакими «лихими» те годы не были. А были они — опьяняюще свободны-

ми, с грандиозными, невиданными доселе перспективами. И такими же разочарованиями.

Рушилась партийная система. За долгие годы бесчинства номенклатуры народ на какое-то время затосковал по робин гудам, по защитникам бедных и угнетенных. И вслед за этим жизнь повсеместно начала переворачивать устоявшиеся представления. Сусально-декоративный до того орган — Воронежский горсовет — был превращен во взрывное устройство. Новые люди, пришедшие в коридоры власти, жаждали сразиться с государственной мафией и покончить со злоупотреблениями партийной верхушки. Они создали невиданный доселе по своей демократичности и действительности орган представительной власти. Его и возглавил Цапин, в ту пору сорокалетний председатель горисполкома, уже имевший за плечами опыт работы в местной исполнительной власти.

Почему тогда выбор пал именно на него? Во многом, это было результатом компромисса. Радикалов удовлетворял опытный хозяйственник, демонстративно не имеющий политических симпатий, ортодоксов устраивал воспитанный советской системой чиновник, не жаждущий крови партаппарата. И те, и другие были уверены, что Цапин — фигура временная, что в решающий момент он «сойдет со сцены», публично раскаявшись в симпатиях к проигравшей стороне. Последующие события, однако, показали обратное: всякого рода отречения не в природе Цапина.

В октябре 1993 года, когда повсеместно разгоняли советы и начался весь тот впечатляющий танец на канате с выбрасыванием депутатских мандатов, Цапин вдруг неожиданно не стал отрекаться от своего детища — горсовета. Он твердил о главенстве Конституции и демонстративно не поддерживал крайности. В ту осень это, поверьте, значило многое. Мало кто из местных политиков оставался настолько равнодушным к соблазнам власти и уходил с поста с таким достоинством, как уходил тогда Цапин... Это обстоятельство долго вспоминалось, вплоть до его триумфального возвращения в кабинет мэра областного центра, когда он стал первым всенародно избранным главой Воронежа в четырехвековой истории города.

ОБЕЩАНИЕ ДЕДУ

В юности, правда, Александр Николаевич Цапин мечтал совсем о другой судьбе. В 1967 году с золотой медалью окончил сельскую школу, где, между прочим, уровень преподавания математики был таков, что в старших классах будущий воронежский мэр и губернатор брал призовые места на областных олимпиадах по всем точным наукам (это парень из сельской-то школы!). Естественно, он легко поступил в престижный по тем временам Воронежский политехнический институт. Дед Андрей, который в становлении характера внука сыграл немалую роль, спросил его: «На кого ж ты теперь будешь учиться?». Внук ответил: «На главного инженера». Дед остался доволен.

Обещание деду он начал выполнить на легендарной «Электронике», куда Цапина взяли после вуза. Шел 1972 год, в Воронеже ожидали визита Фиделя Кастро, лидера кубинской революции. По такому случаю решили продемонстрировать команданте новейшие достижения социалистической науки и производства на самом передовом направлении — в создании интегральных схем. Тем более что незадолго до этого подсутилась советская внешняя разведка: опытные образцы и соответствующие чертежи были добыты у японцев.

По этим чертежам и собирали чудо-схему. Молодому инженеру Цапину достался электронный блок управления. Когда он прикинул размеры отечественной элементной базы, то сразу же понял: параметры у нас получатся чуть ли не вдвое больше японских. Посидел он тогда вместе с мастерами, подумал и соста-

Александр Николаевич Цапин

вил принципиально новую систему управления. По размерам она получилась такой же, как у японцев, а по быстродействию — даже несколько лучше.

Когда возможности этого блока управления продемонстрировали кубинскому лидеру, тот был поражен.

Вообще о своем инженерном прошлом Цапин всю жизнь вспоминает вдохновенно.

Это было время, когда электронная промышленность СССР рванула вперед так мощно, что мы практически догнали японцев по производству больших и сверхбольших интегральных схем. Воронеж, наряду с Зеленоградом и Минском, вошел в знаменитую электронную триаду Советского Союза, объединенную в мощнейший комплекс. У нас стали появляться уникальные кадры: генеральными директорами «Электроники» последовательно были Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, будущий министр электронной промышленности СССР Владислав Григорьевич Колесников и Герой Социалистического Труда, лауреат Госпремии СССР, будущий заместитель Председателя Совмина СССР и председатель Госкомитета по науке и технике Борис Леонтьевич Толстых. Были и другие сильные руководители, инженеры, — не случайно, к примеру, первый в стране видеомэгафон выпустили именно на воронежской «Электронике»...

Словом, на предприятии возникла мощная интеллектуальная атмосфера, которая оказалась идеальной средой для профессионального становления молодого Цапина. И он свой шанс не упустил: достаточно быстро стал старшим инженером, потом — ведущим... А вскоре в его жизни произошло событие, которое иначе как чудом не назовешь.

В министерстве электронной промышленности СССР решили послать в длительную одиннадцатимесячную командировку во Францию какого-нибудь перспективного молодого сотрудника. А надобно сказать, что в те годы даже генеральные директора ездили в капстраны не больше чем на месяц, а здесь — почти год! Понятно, что число кандидатов на ту волшебную поездку исчислялось сотнями. Выбрали Цапина.

Кандидатура была согласована на всех уровнях. Молодого инженера из Воро-

нежа ожидало знакомство с самыми современными на тот период разработками электронной промышленности, после чего он вместе с французскими коллегами должен был провести испытание ряда новейших приборов и интегральных схем. Счастливый избранник уже готовился отбыть в Москву (там в течение десяти месяцев ему предстояло углубленно изучить французский язык), как вдруг...

Вызвали в райком партии и сообщили, что он должен немедленно стать... секретарем Железнодорожного райкома комсомола. Никаких возражений по этому поводу не принимали. Потом был горком партии, обком ВЛКСМ. Цапин везде твердил одно: «Не буду секретарем райкома! Я — инженер, во Францию еду!» В конце концов, ему четко объяснили: ни в какую Францию ты не поедешь — забудь! И вариантов для выбора лишь два: либо ты становишься комсомольским вожаком промышленного района, либо у тебя вообще не будет никакого будущего...

Цапину не исполнилось и тридцати, и он, конечно же, не хотел оставаться без будущего.

Так кончилась его инженерная карьера и началась административная.

ОГОНЬ НА СЕБЯ

С именем Цапина-управленца прочно связаны два первых десятилетия в постсоветской истории Воронежской области. Более того, в самый драматичный ее (истории) период управлять регионом пришлось именно ему. Это было той нищенской осенью 1996-го, когда последние финансовые ресурсы страны были потрачены на переизбрание Бориса Ельцина, и наступило время тотального затягивания поясов. В области образовалась трехмесячная задолженность по зарплате, не выплачивались пенсия и всевозможные пособия, голодные бунты приближались к Воронежу...

Именно в это самоубийственное для репутаций любого руководителя время Александр Николаевич Цапин и согласился взвалить на себя проблемы области.

Помню, все гадали: зачем это ему, только что уверенно выигравшему выборы главы города (за Цапина тогда проголосовали почти 60 процентов воронежцев — в четыре раза больше, чем за его ближайшего конкурента)? Позже я узнал, что в ту осень в его судьбе фактически повторилась ситуация с поездкой во Францию. Только на более высоком уровне, где и ультиматумы, и угрозы были куда серьезнее.

Четырежды с ним говорил тогда премьер страны Черномырдин, один раз — руководитель администрации президента Чубайс. Только во время пятой встречи с Черномырдиным Цапин дал согласие...

В моем архиве хранится снимок, на котором запечатлен Александр Николаевич, только что вступивший в должность главы области. Пожалуй, никогда я не видел его таким сумрачным и печальным, как в тот момент. Очень похоже на человека, которого загнали в западню. К чести Цапина, он нашел в себе силы достойно из нее выйти.

Очень скоро он привез в область первые федеральные трансферты, были заключены перспективные и долгосрочные договоры, которые потом, уже при других губернаторах, позволили вытащить область из пропасти. Любой проект, как известно, не сразу приносит отдачу. Должно пройти время, пока замкнется отечественная экономическая цепочка.

Увы, обозленное воронежское общество Цапину этого времени не дало. Его губернаторство продлилось всего три месяца. Управленческие наработки, которые удалось за это время выстроить, пришли в движение уже при другом губернаторе.

По иронии судьбы, ситуация повторится осенью 2000 года — уже на мэрских выборах. В разгар кампании действующий глава города Цапин забросит популизм

и вступит в серьезную битву за сохранение городского бюджета (его тогда впервые начнут существенно сокращать областные власти) и... вновь проиграет выборы. Он вообще так и не научится подстраиваться под модные ныне пиар-технологии. В этой связи знаменательно, что человек, который до 1996 года выигрывал в наших местах любую кампанию, начал терпеть поражения именно после вторых президентских выборов, когда стало модным манипулировать массовым сознанием...

А мэром он был прекрасным. Рискну предположить, одним из лучших в России в конце XX века. Несмотря на тяжелейшее время, в которое ему выпало работать, именно при Цапине в Воронеже были построены здание БСМП, роддом больницы «Электроника», Дворец детей и юношества, ДК «Электроника», новый драмтеатр (всего — 39 объектов здравоохранения и 41 объект народного образования). Это при нем добыча питьевой воды в городе увеличилась на 115 тыс. м³ в сутки и составила 530 тыс. м³; был введен в эксплуатацию новый Южно-Чертовицкий водозабор, расширены мощности Левобережных и Правобережных очистных сооружений, завершено строительство Левобережного канализационного коллектора. Были переведены с угля на газ более 450 котельных...

При Цапине в Воронеже появился новый символ — Петровская набережная с возрожденными на ней Адмиралтейской площадью и Успенским собором. При нем возникла первая дорожно-транспортная развязка Московский проспект — бульвар Победы; открылись подземные переходы на улицах Кирова — 20-летия Октября, на улице Плехановской у «Детского мира»; завершено строительство Северного моста, осуществлена масштабная реконструкция Чернавского моста...

Весной 1998-го в Москве мне довелось брать интервью у тогдашнего федерального вице-преьера Олега Сусуева, который сказал буквально следующее: «У вас в Воронеже есть нормальный адекватный человек. Это мэр Александр Цапин... Вообще, мэры бывают всякие, но вам в этом плане повезло: у вас хороший мэр». Такая оценка называется всероссийским признанием.

ВКУС КЛАССИКИ

А еще при Цапине в Воронеже началась мода на литературные памятники — Пушкину, Бунину, Платонову... Это неслучайно.

Технарь по натуре, Цапин обладает хорошим литературным вкусом. Его родина — небольшое село на берегу Дона — не только удивительное по красоте место, но и наполненное книжными образами пространство.

Это территория шолоховских героев.

К самому донскому классику у Цапина отношение почти сакральное. Едва ли не самая дорогая реликвия в семье Александра Николаевича — книга «Тихий Дон» с надписью: «Шурке Цапину от автора».

Автографу этому предшествовала целая история, которую во всех деталях поведал мне в свое время сам адресат послания.

В ту пору будущий воронежский мэр еще только окончил девятый класс. В его родной Галиевке была пристань, начальником которой служил большой друг цапинского отца (Николая Андреевича Цапина — солдата Победы, оставившего на войне руку, я хорошо помню: сын привозил его в Воронеж на 9 Мая. Ветеран стоял тогда на улице города и смущенно улыбался, а проходившие мимо генералы и полковники отдавали ему честь...) Так вот, на той пристани цапинского детства была моторная лодка «Казанка» со знаменитым в свое время подвесным лодочным мотором марки «Москва». И на протяжении нескольких лет во время каникул Цапин-младший этот мотор разбирал и собирал. Когда же эти операции были доведены им до совершенства, начальник пристани разрешил парню вместе с друзьями совершить на той лодке экспедицию по Дону.

И пацаны решили податься в гости к Шолохову.

От Галиевки до Вешенской по воде 153 км. Их было пять человек, Цапин — за капитана. Стартовали рано. По берегам мелькали Монастырщина, Белая Горка, станицы Казанская, Мигулинская... В Вешенской сошли на берег. Увидели сидящих на лавке в парке дедов в казачьих картузах. Подошли: «Здравствуйте, отцы, где здесь Михаил Александрович живет?». «А вы, ребята, откель будете?» — поинтересовались деды. «Мы из Богучара», — ответили парни.

Крякнули с досады деды, картузами шлепнули о скамейку и обиженно замолчали: очень не любили тогда казаки богучарцев; помнили еще, как во времена гражданской войны Богучарская красная дивизия товарища Малаховского в кроуви потопила Вешенское казачье восстание.

Но Цапин с приятелями дом Шолохова все равно нашел, только самого писателя они не увидели. «Михаил Александрович только что из Москвы вернулся и сейчас отдыхает», — пояснили им.

А напротив шолоховской усадьбы — Дон во всей красе. Решили приятели, что если и можно где писателя встретить, то это только на берегу великой реки: ну не может он не выйти к Дону. Это же ведь Шолохов!

Поставили палатку на берегу, ждать стали. А утром — глядь! — из усадьбы к реке выходит мужичок: маленький, щупленький со знаменитыми казачьими усами. Искупался. Ребята заробели, а Цапин не стушевался. «Михаил Александрович, — говорит, — здравствуйте! Я — Шурка Цапин из Богучара. Между прочим, вы родились, как и я — 24 мая». А тот отвечает: «Нет, внучок! Это ты родился, как и я — 24 мая».

А потом Шолохов повел ребят в усадьбу. По дороге Цапин рассказал еще и про то, что его дед Андрей, так же, как и Михаил Александрович, окончил богучарскую гимназию, только на несколько лет раньше.

Шолохов улыбнулся, а потом книгу подарил, накормил малиной...

Пару лет назад Александр Николаевич Цапин, уже давно разменявший седьмой десяток, собрал всю свою семью и привез ее в Вешенскую. На том месте, где когда-то великий писатель кормил его с приятелями малиной, он увидел два надгробных камня: под ними — Михаил Александрович и его супруга Мария Петровна. Поклонились им Цапины, вспомнили...

И еще один литературный сюжет.

Власть воронежская всегда недолюбливала Бунина. Некоторые ее представители даже клялись, что имя первого отечественного Нобелевского лауреата по литературе никогда не будет увековечено в его родном городе: Бунин, мол, не только белогвардейцем был, но и осваговцем (ОСВАГ — пропагандистский орган Добровольческой армии). А осенью 1995 года Цапин, открывая в самом центре Воронежа памятник Ивану Алексеевичу Бунину, публично назвал его великим русским писателем.

Первым среди представителей воронежской власти.

ВОРОНЕЖСКИЙ СТИЛЬ

...Весна 2019-го. Мы говорим уже почти час. Сейчас вот Александр Николаевич Цапин, поседевший, но нисколько не погрузневший и не утративший интереса к жизни, рассказывает о своей работе в попечительском совете Театра кукол, о том, как важно для города сохранить этот коллектив. Сбереечь уникальное здание. Собирается по данному поводу встречаться с губернатором, вести переговоры со спонсорами...

Прерываю его. Возвращаю мыслями в девяностые. Очень хочется узнать: удалось ли тогда ему, инженеру по образованию, среди всеобщего хаоса вывести какую-то свою оптимальную формулу управления городским хозяйством?

Цапин в ответ напоминает, что, когда был у власти, многие называли его «прогрессивным консерватором». И это, считает мой собеседник, вполне справедливо: став во главе города, он упорно держался за старое, которое казалось ему позитивным, но в то же время старался не пропустить ничего из лучшего, что начало появляться в жизни в то время. Не забывал и о зарубежном опыте — достаточно серьезно изучил работу муниципалитетов в Америке, Германии, Швеции, после чего увлекся идеей создания органов местного самоуправления, которые действуют независимо от государства.

Идею эту Цапин попытался внедрить в Воронеже. Спустя годы признается: было непросто. Объясняет: мы же все были воспитаны социализмом, жили бедно, но дружно и весело. А когда все это поломалось, то нам вдруг открылась дверь в совершенно другой мир, который никто толком и не знал. Но каждый — кто по уровню образования, кто по дури своей — полагал, что только он понимает, как в этот мир нужно войти и что там надо делать. Кочергин предлагал одно, Кудрявцева — другое, он, Цапин, — третье. Но вот из той разности мнений и родилась новая форма управления городом, и форма эта была — диалог...

Сам Александр Николаевич, между прочим, считает, что именно по такой формуле в городе работали и после него. Тот же Сергей Колиух, тот же Иван Образцов, некоторые из руководителей районных администраций... Так что свое лицо и стиль воронежские управленцы в девяностые все-таки обрели...

С ТЕМ И ЖИВУ

Здесь можно было бы поставить точку.

Но свой рассказ об Александре Николаевиче Цапине мне все-таки хотелось закончить на другой ноте. Недавно, накануне его 70-летия, я спросил: счастлив ли он?

Ответил сразу, будто думал на эту тему, ждал вопроса:

— Знаешь, мне везло по жизни: повезло на родителей, повезло на родную Галиевку и Воронеж, где я свой. Повезло на друзей и вообще везло, по большому счету. Так что, конечно, я — счастливый человек.

С тем и живу.

